

91 (93)

П. 19

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ГЕОГРАФЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ВИТУС БЕРИНГ

Географизм 1958

105128

471050

1973

46с. с илл.

ПОСЛУЖИМЫЙ
ПРОСТАВЛЕН

VP

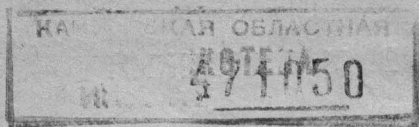
91 (с1)
П 13

В. М. ПАСЕЦКИЙ

9109
17 19

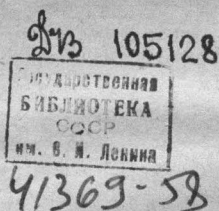
ВИТУС БЕРИНГ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

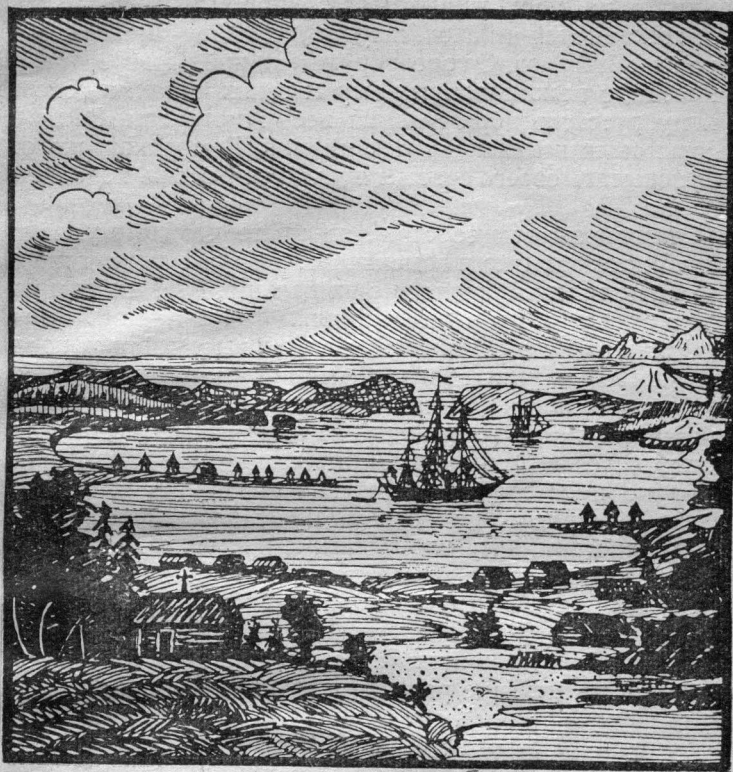

В брошюре описывается жизнь замечательного мореплавателя В. Беринга, именем которого названы море и пролив между Азией и Америкой.

Географические открытия Беринга, Алексея Чирикова и других мужественных сподвижников — замечательная страница истории открытий в северной части Тихого океана и изучения Северной Америки.

Подпись к рисунку на стр. 3:
В Авачинском заливе

Корнил Крюйс путешествовал по Европе. В туманный летний день 1704 г. он въезжал в родной Амстердам, который покинул семь лет назад мало кому известным капитаном, а теперь возвращался адмиралом русского флота. Его самодовольное лицо, одежда, оружие, экипаж, обилие помощников и слуг говорили о том, что счастье улыбалось Корнилу Крюйсу и что в Амстердам его привела не тоска по родной земле, а большие важные дела. Он прибыл сюда по поручению русского царя, не так давно работавшего под видом плотника Петра Михайлова на нидерландских корабельных верфях. Именно тогда и встретился Крюйс с Петром и принял его приглашение на русскую службу...

Вскоре по кабачкам, завсегдатаями которых были моряки, пролетела весть, что русский адмирал Корнил Крюйс

нанимает на службу опытных моряков: матросов и боцманов, констапелей и коков, штурманов и поручиков, командиров и капитанов. О головокружительной карьере Крюйса в России, о пожалованных ему высоких чинах, о доверии к нему русского царя говорил весь Амстердам. Эти разговоры были великолепной рекламой. В морях, желающих попытать своего счастья в далекой России, недостатка не было.

Отлично зная на собственном опыте, что Петр умеет не только жаловать, но и взыскивать, адмирал лично говорил с посетителями, справлялся о их дальних плаваниях и участии в баталиях, проверял знания...

Однажды в кабинет Крюйса вошел высокий широкоплечий юноша с круглым загорелым лицом. Уроженец датского городка Хорсенс, он искал счастья в Голландии. Здесь он нанялся матросом на один из амстердамских кораблей и отправился в Ост-Индию. Однако трудное далекое плавание по просторам двух океанов не принесло ему ни успеха по службе, ни богатства. Он вернулся таким же бедным и мало кому известным, как и несколько лет назад, когда уходил из Амстердама. Только мозолей и ссадин стало больше на его крепких широких ладонях.

Очутившись перед Крюйсом, юноша смутился. Он стоял перед моряком средних лет, затянутым в шитый золотом мундир и испытующе рассматривавшим его из-под густых черных бровей.

Угрюмый, несловоохотливый посетитель произнес фразу, которую адмирал слышал от сотен приходивших сюда людей. Он и без нее знал цель этих визитов... В выражении лица юноши не было ни лихости, ни дерзости, ни отваги. В глазах его было что-то печальное, одинокое. Первое впечатление было не в пользу посетителя. И Крюйс безразличным тоном начал задавать вопросы. Убеденный, что не узнает ничего интересного от этого увальня, адмирал равнодушно слушал его и больше интересовался стаей галок, кружившихся над собором, чем посетителем. Но вдруг он резко повернулся в кресле и внимательно посмотрел в лицо юноши:

— Ты ходил в Ост-Индию? — спросил адмирал. Посетитель ответил утвердительно и извлек из кармана документы.

— Расскажи-ка подробней о твоём плавании, — сказал заинтересованный адмирал, приглашая моряка сесть.

Так начался крутой поворот в судьбе Витуса Беринга, приведший его на службу в русский военный флот и в число великих мореплавателей мира.

Через несколько недель после этого разговора Витус Беринг переступил рубеж далекой и загадочной страны. Он и не предполагал, что вскоре ему придется пересечь ее огромное пространство сначала с севера на юг и обратно, а затем с запада на восток... С первых же дней пребывания в России его покорили ширь полей, девственные, одетые в багрянец и золото леса, синева зеркальных озер и речек, то небольших, то великих, как море.

Двадцатитрехлетний Беринг был назначен командиром небольшого судна и доставлял лес с берегов Невы к острову Котлину, где по приказу Петра I создавалась военноморская крепость; Кронштадт вскоре стал местом жительства Витуса Беринга. В 1706 г. он был произведен в лейтенанты. На его долю выпадают ответственные поручения. Он следит за передвижениями шведов в Финском заливе, плавает в Азовском море, перегоняет корабль «Перл» из Гамбурга в Петербург, совершает поход из Архангельска в Кронштадт вокруг Скандинавского полуострова.

В трудах и баталиях проходит двадцать лет. Беринг уже командует одним из самых больших кораблей Балтийского флота, имеет чин капитана, о нем знает Петр. И вдруг счастье перестает ему улыбаться. Его обходят чином. Замкнутый, прямой Беринг воспринимает это болезненно и подает прошение об отставке одновременно с несколькими офицерами. Адмиралтейств-Коллегия не препятствовала его уходу с русской службы и постановила: «Морского флота капитанов Виллима Гея, Матиса Фалькенберха и Витуса Беринга по прошениям их и учиненным экстрактам из службы его величества отпустить во отечество их и дать им от Адмиралтейств-Коллегии пашпорты и заслуженное жалование по день отпуска, а также и на прогоны в дорогу».

Итак, Витус Беринг собирался покинуть пределы России, которая двадцать лет назад приютила его и к которой он питал еще бóльшую симпатию, чем в первые дни.

Приказ подписан. Деньги получены. Остается только дать знать, чтобы подали лошадей... Быть может, в эти решающие дни он задумывается над тем, что ожидает его в Дании... Разоренное отцовское имение, жизнь без цели, надежд и ожиданий чего-то нового, большого, что

принесет ему успех, славу, почет... Нет, в 43 года не отказываются от будущего, которое немислимо за пределами великой России. И Беринг остается в Петербурге.

История отставки и возвращения Витуса в русский военно-морской флот очень темна из-за скудости материалов, относящихся к этому периоду его жизни. По-видимому, адмирал Крюйс, который тепло и сердечно относился к Берингу, или его старый знакомый адмирал Сеньявин доложили Петру I о несправедливых обидах, причиненных датчанину Адмиралтейств-Коллегией. Петр I приказал приять Беринга на службу...

Так Беринг вступил на путь, приведший его к великим открытиям, к бессмертной славе и гибели на пустынном, скалистом острове в Тихом океане, который носит теперь его имя...

Это случилось в 1724 г., когда Россия приступила к осуществлению исключительных по своему размаху географических исследований. Инициатором и вдохновителем их был Петр I. Он замыслил установить непосредственные морские отношения с Индией, создать обширную базу в устье Куры для торговли со странами Востока, послать экспедицию для исследования морского пути в Китай и выяснения вопроса о том, существует ли в действительности пролив, разъединяющий Азию от Америки. Сохранился интересный и ценный рассказ «механика и токарного искусства учителя» А. К. Нартова, впоследствии опубликованный в Записках Академии наук. Вот, что он говорил:

«В начале генваря 1725 года¹, в самый тот месяц, когда судьбою всевышнего определен был конец жития Петра Великого, и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его трудился о пользе и славе отечества,— ибо он сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проведывать и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкой... Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами, как его величество спешил сочинять наставления такого важного предприятия и будто бы предвидя скорую кончину свою и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе

¹ В рассказе Нартова неточность. Вопрос о снаряжении Камчатской экспедиции был решен Петром I в декабре 1724 г.

генерал-адмиралу вручив, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначено не напрасно. В последнем путешествии моем слышал я от ученых людей, что обретение возможно. Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусство и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских»¹.

Решительный в своих действиях, Петр I отдал приказ без промедления готовить экспедицию, выявить людей, бывавших в Сибири, и поручить руководство экспедицией достойным морским офицерам...

Все делалось точно и быстро. Петру называли имена нескольких отличившихся по службе морских офицеров. В декабрьский день 1724 г. решилась судьба Витуса. Он был неожиданно для него назначен начальником Камчатской экспедиции. Ответственное назначение не сулило легких успехов. Самую удачу надо было завоевывать трудом, смелостью, выносливостью, терпением. Ему предстояло пересечь Россию с запада на восток и, проделав более десяти тысяч верст на лошадях, то на лодках, выйти на просторы Великого океана. Путь лежал в далекую Сибирь, на край света, куда ссылали самых опасных государственных преступников. Надо было решать и решать немедленно. Либо самоотверженная служба в России, либо бесславное возвращение в Данию. Он уже давно выбрал первое.

Беринг любил эту страну, ее народ, исключительно выносливый, терпеливый и талантливый. Витус Беринг остался в России, обзавелся семьей и ничто уже больше не могло оторвать его от нового отечества.

Ровно через месяц после того дня, как Петр I отдал приказ назначить Беринга начальником Камчатской экспедиции, он выехал из Петербурга в сопровождении лейтенантов Алексея Чирикова, Мартына Шпанберга и гардемарина Петра Чаплина, которому наука обязана драгоценными сведениями о работах этого отряда русских

¹ А. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. Записки Академии наук, I—XVII, приложение 6, 1891.

моряков. Кроме того, в составе экспедиции находились геодезисты, штурманы, корабельных дел мастера.

На 25 подводках Беринг и его спутники отправились к берегам Охотского моря, откуда должны были предпринять плавание к северу. Много недель и месяцев длился этот трудный поход по бездорожью Сибири.

Прошла зима, весна, лето и осень и снова наступила зима, а Беринг, Чириков и их спутники добрались только до Илимска, где и остановились на зимовку. Следующим летом достигли Якутска, и Беринг приступил к сбору сведений о тех местах, которые предстояло исследовать. Он потребовал знающих людей. Так, например, из Нижне-Камчатска вызвал Игнатия Козыревского, который за несколько лет перед тем побывал на ближайших к Камчатке Курильских островах и доставил интересные сведения о всей гряде, расположенной по дуге на сотни верст.

От сибирских старожилов Беринг услышал весьма интересные сведения о том, что лет шестьдесят-семьдесят назад русские люди неоднократно ходили морем из Колымы в Анадырь. Следовательно, задача, стоявшая перед экспедицией, уже была решена. Неведомые смелые русские люди определили его и еще в середине прошлого столетия открыли пролив, разделяющий Азию от Америки. Но кто были эти отважные люди, прошедшие через Ледовитый океан и совершившие великое открытие? Народное предание не сохранило их имена.

Беринг и не подозревал, что в Якутске, где он хлопотал о дальнейших делах экспедиции, хранились исторические документы о плавании казака Семена Дежнева со своими товарищами проливом между Азией и Америкой в 1648 г.

Не ведал он и того, что присвоит себе честь открытия давно открытого пролива, которому последующие путешественники дадут его имя, и вместе с тем явится одним из тех, кто невольно содействовал восстановлению исторической справедливости и заслуженной славы казака Семена Дежнева.

В конце 1726 г. экспедиция достигла Охотска и немедленно приступила к постройке судна. Необходимые материалы доставлялись в течение всей зимы.

Чтобы перевезти тысячи пудов грузов, требовались сотни лошадей и собачьих упряжек, но корма для лошадей не было, а солдатам не хватало продовольствия. Порой при-

ходилось бросать снаряжение в дороге и снова собирать лошадей в ближайших окрестностях. Сказывалась трудность пути через Сибирь:

«Материалов ничего не привезли,— докладывал Беринг в Адмиралтейств-Коллегию о прибытии в Охотск отряда лейтенанта Шпанберга,— понеже идучи путем оголодала вся команда и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыromятные и всякие сырые кожи, платья и обувь кожаные, а материалы оставил все на дороге в 4 местах понеже по одному пути вблизи жителей никаких не имеется...»¹

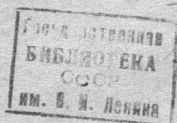
Экспедиция Беринга стоила не малых материальных и людских жертв. Роковую роль в этом сыграл лейтенант Мартын Шпанберг, невежественный и жестокий, грубый и бесчеловечный офицер, не останавливавшийся перед вымогательствами и шантажом. Он больше вредил экспедиции, чем помогал.

Совершенную противоположность Шпанбергу представлял лейтенант Алексей Ильич Чириков, которому Первая Камчатская экспедиция обязана своими успехами в той же степени, что и Берингу. Скромный и талантливый, решительный в своих действиях и обладающий большим кругозором он уверенно и отлично выполнял все поручения Беринга, доставив в Охотск без задержки и без потерь несколько тысяч пудов муки и различного продовольствия. Его люди не падали замертво от голода, а лошадям огромного обоза не приходилось добывать траву из-под глубокого снега. Все было продумано, предусмотрено.

Летом 1727 г. в Охотске была закончена постройка судна «Фортуна», и экспедиция, наконец, вышла в море. Время было позднее, и Беринг, опасаясь жестоких штормов, решил идти к Большерецку на западном берегу Камчатки. Такое решение создавало новые трудности, так как предстояло со всеми грузами пересечь по сухопутью Камчатку. Но зато «Фортуна» не подвергалась риску быть разбитой или потопленной во время плавания Тихим океаном...

За эту осторожность Беринг поплатился десятками дней и ночей, проведенных под открытым небом, ночлегами в ямах, вырытых в снежных сугробах и прикрытых сверху брезентом.

¹ В. Вахтин. Русские труженики моря, СПб., 1890, стр. 90.

Капитан-командору и его спутникам пришлось проделать более 800 верст на собачьих упряжках, прежде чем они достигли Нижне-Камчатска.

В Нижне-Камчатске был построен бот «Святой Гавриил». На нем экспедиция 13 июля 1728 г. вышла в море. Поставили все паруса. Ветер наполнил их, и судно полетело к северу. Перед начальником Камчатской экспедиции стояла задача решить важнейшую географическую загадку, занимавшую умы отечественных и зарубежных географов. Необщительный от природы Беринг теперь стал еще более сосредоточенным и молчаливым. Он вспоминал недавнее прошлое и пытался заглянуть в будущее.

Прошло три с половиной года как он покинул Петербург. Это были годы непрестанных трудов и лишений, но он не жалел, что принял начальствование над этой ответственной и сложной экспедицией и променял службустроевого офицера на беспокойную жизнь исследователя.

Беринга влекли необозримые океанские просторы. Это влечение привело его юношей в Индию. И сейчас юношеская страсть запылала новым огнем и настойчиво звала в неведомые дали Сибири и Тихого океана... В этих краях для его пытливой души было все ново, неизведанно, загадочно.

О первых впечатлениях и наблюдениях мы читаем в рапортах и донесениях Адмиралтейств-Коллегии, в деловых записках и судовых журналах. Делать более подробные записи не было времени. А жаль! Сколько чудесного, необыкновенного, драматического и смешного приключалось с ним и его товарищами. Он не мог на них пожаловаться, если не считать Шпанберга...

Между тем, «Святой Гавриил» продолжал лететь под парусами вдоль гористых берегов Камчатки. Ветер свежел, поднимая большую волну.

Все чаще зеленовато-серые водяные валы налетали на корму, обдавая брызгами палубу.

Офицеры и матросы были приятно возбуждены. Наконец, закончилось многотрудное странствование по Сибири и Камчатке и их небольшой корабль был в незнакомом, но родном море. И дежурные и свободные от вахты — все были на палубе, все всматривались в горизонт, надеясь впереди или справа усмотреть землю или остров, на который не ступала нога путешественника. Но ничего не было

видно. Лишь слева в отдалении возвышались горы знакомого берега Азии да в море вдруг взлетали фонтаны, выпускаемые китами. Часто встречались стада моржей и стаи птиц, стремительно пронесившихся над судном.

На шестнадцатый день плавания достигли устья реки Анадырь, где некогда Семен Дежнев охотился со своими казаками на моржей. Путешественники об этом ничего не знали. Сделав остановку в бухте Преображения, чтобы набрать свежей воды, экспедиция продолжала путь на север.

8 августа мореплаватели впервые увидели чукчей, которые охотно отвечали на все их вопросы.

Участникам экспедиции вновь пришлось удивляться. Оказывается, не они были первыми русскими в этом краю. Нашлись мореходы, давно опередившие их. Снова капитану вспомнились предания якутских старожил. Тогда ему казалось, что это была легенда, в которой действительное перепуталось с вымыслом. Местные жители в один голос убеждали начальника экспедиции «что земля их делает две губы и обращается к устью Колымы, а всюду прилегло море и великие отмели, и на морё, в которое впала река Колыма всегда носит льды, о чем и от русских людей довольно верно сведано; а в соседстве у нас, кроме нашего чукотского народа, не имеется, только де слышали от родников, которые ходят на реку Колыму, что там живут русские люди... На море знаем де один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем»¹.

Это было новое свидетельство, говорившее о существовании пролива между Азией и Америкой.

Не прошло и нескольких дней, как слова чукчей подтвердились. С корабля в море был усмотрен остров, названный по святым именем Св. Лаврентия. Зарисовав его, экспедиция продолжала путь на северо-восток. 13 августа 1728 г. она достигла 65°30' с. ш. Беринг созвал совет офицеров. Он был встревожен и разочарован. Слова чукчей и якутских старожил не престанно звучали в его ушах. Он чувствовал, что шел уже открытым путем и не видел надобности продолжать плавание в столь позднее и опасное время, когда всякий день судно могут пленить полярные льды.

¹ А. Полонский. Первая Камчатская экспедиция. Записки гидрографического департамента, ч. VIII, 1850.

Как только капитан высказал свое предложение прекратить дальнейший поход на север, разгорелся бурный спор, совершенно неожиданный для начальника экспедиции, привыкшего к беспрекословному повиновению своих офицеров. Во время трудного пути по Сибири ни один из них не нарушил его приказаний, мужественно и терпеливо перенося все бедствия и лишения, голод и стужу, метели и далекие пешие переходы, ночевки под открытым небом и нехватку одежды и обуви. Застрельщиком спора явился 25-летний лейтенант Алексей Ильич Чириков, неутомимый, мужественный помощник капитана.

Беринг считал задачу экспедиции выполненной, поскольку было установлено, что американский берег нигде не приближается к Чукотскому побережью, а к северу растилается безбрежное море. Однако Алексей Ильич со свойственной ему горячностью возражал своему начальнику. После трех с половиной лет неустанных трудов Чирикову казалось непростительной ошибкой прервать исследование, в то время когда еще фактически не было достоверно установлено, действительно ли отделена Азия от Америки проливом. Он настаивал на продолжении плавания. По его мнению надо было идти к северу до встречи со льдами Северного Ледовитого океана или следовать на запад до устья Колымы. Только тогда можно было окончательно убедиться в существовании пролива. Чириков предлагал в случае необходимости остаться на зимовку у северо-восточных берегов Чукотки.

Возражения Чирикова подействовали на Беринга.

Экспедиция еще несколько дней продолжала плавание на север. Погода ухудшалась день ото дня.

Все дошедшие до нас записки и журналы переполнены жалобами на непрестанные дожди, туманы и бури, причинявшие повреждения парусам и рангоуту.

Возвышавшийся слева берег Чукотки исчез из виду. Вокруг было море, серо-зеленое, холодное и таинственное. Беринг все больше и больше убеждался в том, что задача его выполнена и он может со спокойной совестью прекратить плавание к северу и возвратиться в Нижне-Камчатск. Достигнув $67^{\circ}18'$ с. ш. и $193^{\circ}7'$ в. д. и находясь уже в водах Чукотского моря, он приказал повернуть обратно.

2 сентября 1728 г. «Святой Гавриил» отдал якорь в Нижне-Камчатской гавани. Здесь экспедиция провела зиму.

Как только наступило лето, Беринг снова вышел в плавание. Он направился на северо-восток, надеясь достичь неисследованных ни одним путешественником берегов Северной Америки. Дули крепкие северные ветры. С большими трудностями мореплаватели прошли 200 км. Идти дальше на небольшом потрепанном бурями судне без достаточных запасов продовольствия и пресной воды было рискованно, и капитан лег курсом на Охотск. На обратном пути он впервые в истории мореплавания обогнул и описал южный берег Камчатки.

1 марта 1730 г. Витус Беринг вместе с лейтенантом Чириковым прибыл в Петербург. Они привезли с собой, на первый взгляд, скромные результаты работ. Экспедицией были описаны восточные берега России, открыты острова Св. Лаврентия и Диомида, собраны очень интересные сведения о народах и природе Сибири, Дальнего Востока, Камчатки и Чукотки и пройден пролив, отделяющий Азию от Америки...

В руках Беринга были доказательства этого открытия, но доказательства скорее косвенные, чем прямые. Они не удовлетворяли полностью Адмиралтейств-Коллегию, которой был представлен отчет. Некоторые исследователи, особенно зарубежные, видят в этом недоверии к результатам Первой Камчатской экспедиции происки врагов и недоброжелателей Беринга и едва ли не склонны в этом обвинить его ближайшего помощника Алексея Чирикова, мнение которого совпадало с официальным заключением Адмиралтейства.

Но дело было не в тайном или открытом недоброжелательстве, а в большой принципиальной честности русских моряков-исследователей, девизом которых впоследствии стали знаменитые слова: «Пишем то, что наблюдаем, а то, что не наблюдаем, то не пишем».

Если бы у Беринга были враги в Адмиралтейств-Коллегии, то его замечательные планы остались бы навсегда похороненными в ее канцеляриях...

Беринг предвидел, что морское начальство не будет полностью удовлетворено результатами Первой Камчатской экспедиции, и приготовил новые смелые и широкие предложения. Он мечтал снова вернуться в милую его сердцу Сибирь, в далекий Охотск во главе большой научной экспедиции. Его планы были проникнуты заботой об оживлении экономической и культурной жизни Сибири, о

свершении новых географических открытий. Эти бумаги Беринга дошли до нас. Они немногословны, но конкретны, точны и поражают своей широтой и искренним стремлением сделать все возможное для величия России.

Прежде всего в предложениях идет речь о распространении образования среди народов Сибири. Затем он обращает внимание на необходимость создания в районе Байкала железоделательных заводов, так как доставка металла с Урала в восточные районы очень дорого обходится казне.

Беринг указывал на месторождения руд в районе Ангары и Якутска, из которых местные жители добывали в крицах железо¹ самого лучшего качества.

Далее Беринг писал о желательности разведения скота в окрестностях Охотска и на Камчатке и развития в этих местах земледелия, которое обеспечивало бы нужды края в продовольствии.

Большое место в плане Беринга отводилось необходимости закрепления в дальневосточных портах мастеровых людей, знающих корабельное дело и различные ремесла и улучшения жизни якутов и камчадалов, о благополучии которых он призывал заботиться.

Второй план Беринга был посвящен всецело дальнейшему исследованию северо-восточных окраин России и поискам берегов Америки. Он писал, что по расспросам жителей и по выкидному на берегах Камчатки лесу следует предполагать, что Америка находится от тех мест не далее как в расстоянии 300—400 км. Для этой цели необходимо было построить на Камчатке большое судно.

Одной из задач предполагаемой большой экспедиции было исследование морского пути до устья Амура и до Японских островов.

«...Понеже,— писал Беринг,— надежду имею, что тамо нарочитые места можно находить... и с японцами торг завести, чего б не малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться»².

По расчетам Беринга подобная экспедиция должна была обойтись казне в 10—12 тыс. руб.

¹ Речь идет о железе, полученном в горне непосредственно на древесном угле.

² В. Вахтин. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890.

В заключение проекта он писал, что если Адмиралтейств-Коллегия решит осуществить исследование северного побережья Сибири, то это можно будет выполнить отрядами моряков на ботах или по сухопутью.

Так зародилась идея Второй Камчатской экспедиции, которая впоследствии превратилась в выдающееся географическое предприятие, равному которому долго не знал мир.

В то время как высшие морские круги изучали и обсуждали предложения, Беринг приводил в порядок отчеты, журналы, бумаги и составлял карты. Несмотря на недовольство Адмиралтейств-Коллегии результатами Первой Камчатской экспедиции, Беринг получил чин капитан-командора и награду в 1000 руб. (по стоимости денег того времени это была большая сумма). Его неизменный спутник Алексей Чириков был произведен в капитан-лейтенанты, при этом Адмиралтейств-Коллегия отмечала, что он «показал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру».

Между тем проект о снаряжении Второй Камчатской экспедиции заинтересовал нескольких выдающихся деятелей того времени. Самыми верными и горячими защитниками его были моряки. Это они добились того, что весной 1732 г. был подписан указ о снаряжении Второй Камчатской экспедиции, и настойчиво хлопотали об организации морских плаваний к берегам далекой Камчатки.

До нас дошли проекты адмиралов Головина и Сандерса, предлагавших направить суда из Кронштадта вокруг мыса Горн или вокруг мыса Доброй Надежды в воды Тихого океана, как для детального исследования восточных окраин России, так и для поисков северо-западных берегов Америки. Эти проекты, к сожалению, не были осуществлены.

Первоначальный план Беринга был значительно расширен. Кроме поисков берегов Америки и установления связей с Японией, одной из главных задач экспедиции было поставлено исследование северного берега Евразии и отыскание морского пути из Архангельска на Камчатку.

В экспедицию были включены ученые, на которых возлагалось исследование в историческом и естественном отношениях Сибири, Камчатки и вновь открытых земель.

Всего в экспедиции, включая все северные отряды, по штату участвовало 997 человек¹.

«...Государство,— писал участник Второй Камчатской экспедиции Свен Ваксель,— не щадило ни денег, ни людей, а щедро снабдило экспедицию во славу страны всем необходимым, чтобы добыть достоверные сведения о неизвестных в то время странах, не открытых еще землях и берегах. Во всем этом не было никакой другой скрытой цели, кроме пользы и помощи науке общей географии. Надо было разбудить ученый мир от сна, в котором он покоем так долго...»²

Весной 1733 г. из Петербурга в Москву потянулись длинные обозы Второй Камчатской экспедиции, в основной состав которой «входило около 500 человек»³. В Твери путешественники грузились на барки и плыли до Казани, затем по Каме до местечка Оса, а потом по сухопутью направлялись в Тобольск и дальше в Сибирь.

Снова перед экспедицией лежал трудный путь в более чем десять тысяч километров. Предстояло путешествие по нелегким сибирским дорогам, нужно было построить небольшое судно, чтобы, пройдя часть пути реками, бросить его и двигаться дальше на подводах, а порой везти снаряжение и грузы на нартах, в которые впрягались люди.

В Сибири в распоряжение Беринга прикомандировали 500 солдат из полков, квартировавших в Тобольске и Якутске. Численность экспедиции теперь составляла около тысячи человек. А если присоединить к этому казаков, крестьян и ссыльных, участвовавших в доставке продовольствия, снаряжения и материалов, то эту цифру придется значительно увеличить.

Таков был размах Второй Камчатской экспедиции Беринга, более известной в историко-географической литературе под названием Великой Северной экспедиции.

Только осенью 1735 г. Беринг со спутниками добрался до Якутска. Здесь он получил известия о том, что капитан Шпанберг по пути в Охотск заморозил суда со снаряжением в реке Юдومه и остался почти без продовольствия в

¹ История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века, М., 1956.

² Свен Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, изд-во Главсевморпути, Л.—М., 1940, стр. 27.

³ В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков, М., Географгиз, 1953.

безлюдной местности. Надо было срочно организовать помощь этому офицеру, доставившему много неприятностей еще в Первую Камчатскую экспедицию. Одновременно закипела подготовка к походу в Охотск, на пути к которому снова надо было преодолевать горные хребты. По словам Свена Вакселя, для того чтобы обеспечить успешный ход дела, Беринг поручил капитану Чирикову руководить перевозками предстоящим летом. Алексей Ильич не обманул ожиданий капитан-командора и не только успешно доставил к месту назначения продовольствие и материалы, но, прибыв в Охотск, заложил суда для предстоящей экспедиции.

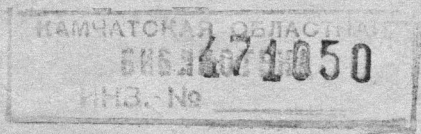
В Охотске Чириков обнаружил, что посланный в этот порт прошлым летом Шпанберг не выстроил ни казарм для солдат и матросов, ни изб для офицеров, ни складов для продовольствия и снаряжения. Этот корыстный офицер, притеснявший и русских и тунгусов, казаков и солдат и своими неумелыми распоряжениями приносивший экспедиции серьезный вред, решил нанести удар своему командиру. Он написал на него жалобу в Петербург.

Когда Беринг прибыл в Охотск, ему казалось, что самые большие трудности уже преодолены и на пути к северо-западным берегам Америки нет иных препятствий, кроме безбрежной морской стихии. Но он жестоко ошибался.

В Петербурге были недовольны действиями Беринга. Экспедиция медленно разворачивала свои работы. Проходили годы, а реальных результатов достигнуто не было. На севере, на побережье Ледовитого океана гибли один за другим лучшие офицеры флота, а описаны были лишь отдельные участки побережья Азии. На востоке еще только строились корабли для предстоящих плаваний к берегам Японии и Америки. А между тем затраты на экспедицию достигли по ценам того времени огромной суммы в 300 тыс. руб.

Все новые и новые требования о посылке денег опустошали казну. Недовольство высших петербургских властей возрастало год от года. Берингу слали выговоры, торопили, угрожали.

Наконец, в сентябре 1738 г. кабинет императрицы Анны Иоановны занялся специальным рассмотрением дел экспедиции и рекомендовал одновременно Сенату и Адмиралтейств-Коллегии остановить работы, а офицеров и матросов вернуть обратно в Петербург. Инициатива исходила из

высоких сфер и казалось, что великое дело неминуемо погибло. Однако в это мрачное в русской истории время, когда пышно расцветало раболепие, низкопоклонство, карьеризм и угодничество, нашлись люди, защитившие то большое замечательное географическое предприятие, во главе которого стояли Витус Беринг и Алексей Чириков. Это были члены Адмиралтейств-Коллегии Головин и Урусов. Первый из них совсем недавно предлагал отправить русские корабли из Балтики к Берегам Камчатки. Его проект не был осуществлен, и теперь он энергично и решительно стал на защиту Великой Северной экспедиции, в подготовке которой принимал большое участие... Атака кабинета императрицы была отражена...

В то время как в Петербурге решалась судьба экспедиции, а в Охотске строились суда для предстоящих плаваний, Беринг руководил доставкой все новых и новых партий груза к исходной базе. Хотя основное снаряжение: якоря, пушки, пенька, канаты, смола были привезены в Охотск, поток грузов не уменьшался. Для одного лишь прокормления экспедиции ежегодно требовалось около 16 тыс. пудов хлеба, не считая других продуктов.

Беринг не скрывал трудностей в своих донесениях в Адмиралтейств-Коллегию. Он писал, что от непрестанной нечеловеческой работы люди весьма утруждены... «к тому же платьем и обувью обносились и все стали наги и босы, а помощи учинить никакой не можно и купить ничего негде, понеже здесь место пустое. К тому же служителям команды моей платья и обуви купить не на что, ибо нынешний 1738 год денежного жалованья... ничего не получали, и будучи служители в такой нужде у перевозки провианта весьма исхудали и в зимнее время от великой стужи иные руки и ноги познобили и от такой трудности и за неимением другога харчу, многие такие есть, что едва ходят»¹.

В июне 1738 г. было 22 тяжелобольных матроса и солдата. Дела складывались скверно. Чиновники, сидевшие в сибирских канцеляриях, чинили экспедиции всевозможные препятствия. Одна надежда была на Адмиралтейств-Коллегию. Но она была далеко. Рачительный Н. Ф. Головин не всегда мог скоро прийти на помощь, хотя и принимал энергичные меры к обеспечению экспедиции

¹ Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941, стр. 306.

всем необходимым. Без этой помощи, как и справедливо опасался Беринг, у него не было бы достаточно людей, чтобы выйти в море.

Из-за отсутствия продовольствия Шпанберг в 1738 г. не смог отправиться в плавание, и работы этого отряда пришлось отложить до следующего года. Поток жалоб на Беринга усилился. Положение его пошатнулось. Решено даже было расследовать действия капитан-командора. Эта неприятная обязанность была возложена на Чирикова. Алексей Ильич не усердствовал; он ценил и уважал Витуса Беринга, хотя и не был согласен с некоторыми его действиями, как, например, арест офицера Плаутина, допустившего критические замечания по адресу своего начальника. Чириков сделал все возможное, чтобы сохранить начальствование экспедицией за Берингом. Кроме того, он написал письмо в Адмиралтейств-Коллегию Н. Ф. Головину, в котором просил отозвать его из Охотска, если руководство экспедицией будет возложено на Шпанберга.

К счастью, Беринг и на этот раз удержался. Чириков остался в Охотске. Суда были готовы к плаванию. В это время из Петербурга прибыли новые бумаги, требовавшие от Беринга решительных действий. Медлить было невозможно.

8 сентября 1740 г. спустя семь с половиной лет после отъезда из Петербурга, экспедиция, наконец, вышла в море. Теперь все зависело от Беринга, его помощника Чирикова, офицеров и матросов, от их мужества, смелости, выносливости. Ни жалобы недовольных, ни интриги Шпанберга, ни указы Сената не могли приостановить плавания. Наступила великая минута. Пакетбот «Святой Петр» под командой Беринга и пакетбот «Святой Павел» под командой Чирикова оделись парусами и вышли на рейд. Вскоре к ним присоединились два небольших судна с продовольствием. Маленькая флотилия направилась к берегам Камчатки. Здесь в устье речки Большой предполагалось создать продовольственный склад, а если позволит фарватер, то и остаться на зимовку всей экспедицией. Однако глубина на barre реки оказалась незначительной. Войти в нее судам было невозможно. Пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел» направились в Тихий океан проливом между Камчаткой и первым курильским островом вокруг мыса Лопатка. Один из участников экспедиции Свен Ваксель, оставивший интересное описание работ Второй Камчатской

экспедиции, отмечал в своей книге, что плавание этим проливом, по середине которого лежит каменный риф, было очень опасным.

«За всю мою жизнь (а я ведь почти сорок лет плавал на море),— рассказывал Ваксель,— мне никогда не приходилось подвергаться такой серьезной опасности»¹.

Когда судно «Святой Петр» проходило проливом, Беринг был на палубе. Ветер гнал по небу разорванные клочья облаков. Изредка выглядывало солнце, на мгновения освещая вершины волн, потом снова все мрачнело. И море становилось серым и однообразным. Огромные водяные валы играли судном как игрушкой, обнажая коричневые и зеленые рифы, которые грозно выступали из морской пучины. Беринг думал о том, что одиннадцать лет назад этим проливом он проходил в обратном направлении на судне «Гавриил», уверенный, что существует пролив между Азией и Америкой и что Америка находится где-то недалеко от берегов Камчатки. Счастье улыбнулось ему.

Его назначили начальником новой грандиозной экспедиции. И вот он снова стоит на борту корабля, который после зимовки у берегов Камчатки отправится на поиски неизведанных ни одним путешественником северо-западных берегов Америки... Мечта его сбылась. Но какой ценой он заплатил за нее! Сколько потрачено сил, проведено без сна ночей, исхожено и изъезжено дорог Сибири! Сколько раз он был на краю гибели от мороза и голода! Он потерял счет трудностям и лишениям. Лишь худое изможденное лицо с глубокими складками около рта и воспаленными глазами выдает, что этот мужественный человек усилием воли держится на ногах. Порой он жалеет, что взял на себя начальствование экспедицией. Ему кажется, что дело было бы более по плечу русскому офицеру. Но теперь отступить поздно. Самое тяжелое позади. Под длинным счетом трудностей и лишений можно подвести черту. Витус Беринг и не подозревает, что расплата еще не закончена, что за свою дерзкую мысль ему предстоит рассчитаться самой дорогой ценой.

А между тем ветер усиливается. Капитан отдает приказ убрать часть парусов. «Святой Петр» несет только фок-и грот-марсель. Огромная волна ударяется о корму судна

¹ Свен Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, изд-во Главсевморпути, Л.— М., 1940.

и прокатывается по всей палубе. Приходилось держаться за канат, чтобы не быть смытым в море. Судно попало в сулой¹. Прилив, шедший с востока, встретился с западным течением. Там, где столкнулись два потока, образовались огромные двадцатиметровой высоты водяные горы. Когда корабль падал с их вершин в ложбину, то казалось, что он непременно коснется днищем грунта и будет разнесен в куски. Привязанную за кормой шлюпку волны бросали, как щепку, беспощадно били о борт судна и грозили выбросить ее на палубу. Ветер налетал бешеными шквалами, и судно, не имея сил побороть встречное течение, не двигалось с места.

Беринг и его спутники опасались за целостность главной мачты. Она могла не выдержать несущихся потоков воздуха и рухнуть на палубу. Капитан стоял у штурвала и, обливаясь холодным потом, старался держать судно по ветру вразрез волне. Он, выдавший на своем веку не мало бурь и штормов, понимал, что едва судно станет бортом под ветер, как волны навсегда похоронят его в океанской пучине.

«Если бы в этот момент,— вспоминал Свен Ваксель,— руль или паруса получили какое-нибудь повреждение, мы несомненно пропали бы без малейшей надежды на спасение».

Наконец, когда прилив пошел на убыль, «Святой Петр» выбрался из опасного места и, дождавшись «Святого Павла», менее пострадавшего от сулоя, направился вдоль берегов Камчатки на север. 26 сентября суда подошли к Авачинской губе, где предполагалось остановиться на зимовку, но войти в нее не смогли.

Неожиданно наплыл туман и окутал окрестности. Ночью разыгрался шторм. Суда ушли в море в ожидании, когда стихнет буря. «Святому Петру» опять не повезло. Он потерял шлюпку, сильно пострадавшую во время плавания в проливе.

Десять дней продолжался неистовый шторм. Только 6 октября суда смогли, наконец, войти в Авачинскую губу.

Подходя к берегу, путешественники увидели несколько новых домов и складов. Их выстроил штурман Иван Елагин, посланный год назад на Камчатку для подыскания

¹ Сулой — волнение от двух встречных течений.

удобной стоянки. Это была большая радость. Матросы и офицеры могли спокойно провести зиму, живя на берегу в довольно сносных условиях.

Беринг распорядился снять такелаж и поставить пакеты на зимовку. Но теперь перед ним вставала новая задача. Необходимо было организовать доставку грузов, оставленных в устье реки Большой. Единственным транспортным средством на Камчатке были собачьи упряжки. Беринг разослал в разные стороны команды, чтобы они «согнали» камчадалов с собаками. Местные жители без энтузиазма встретили вторжение в их установившуюся размеренную жизнь. Никому не хотелось уезжать со своими упряжками за сотни верст от родных становищ и получать за тяжелый труд серебряные монеты, с которыми они не знали что делать. Кое-где дело дошло до кровопролития, и, чтобы усмирить непокорных, пришлось послать отряд в пятьдесят солдат. Доставку продовольствия все-таки удалось организовать. Было подряжено около 400 собачьих упряжек, на которых перевезли к месту зимовки половину запасов. Другая часть грузов впоследствии была погружена на провиантское судно и доставлена в Авачинскую губу в мае 1741 г.

Зимовка в Петропавловске, так был назван порт, заложенный экспедицией в Авачинской губе, прошла благополучно и спокойно. Отношения с местными жителями вскоре наладились. Жители передали экспедиции больше сотни оленей, несколько сот пудов вяленой рыбы. Экономить приходилось только хлеб. Надо было сохранить муку, необходимую для предстоящего плавания.

Во время зимовки Беринг и его помощник Чириков внимательно изучали народ и природу Камчатки. Их рапорты, донесения, записки полны любопытных сведений о местных жителях, их занятиях и обычаях, о том, что они ничего не сеют и не сажают, хотя у поселившихся на Камчатке русских людей родится ячмень, редька, конопля, репа.

Наконец, наступила весна, суда должны были выйти в плавание. Оставались последние недели до назначенного срока. Офицеры и штурманы обсуждали предстоящий маршрут плавания. Согласно имевшейся у Беринга инструкции от Сената он должен был прежде заняться поисками земель в сороковых широтах, а потом идти к неизвестным северо-западным берегам Америки. Но нашелся

человек, который возражал против такого маршрута. Это был помощник начальника экспедиции Алексей Чириков¹.

4 мая 1741 г. Беринг созвал совет, на котором присутствовали офицеры, штурманы и астроном Людвиг Делиль де ла Кройер. Имя этого человека, сыгравшего подлую и трагическую роль в судьбе Беринга, почти не упоминается в бумагах Второй Камчатской экспедиции. Неизвестно, что он делал восемь с половиной лет, в течение которых русские моряки с превеликими трудностями совершали свое героическое путешествие из Петербурга к Авачинской губе. Де ла Кройер был братом академика Жозефа Николя Делиля, оказавшегося впоследствии французским шпионом², и попал в экспедицию по его настоянию. В указе Сената специально было оговорено, «чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля».

Ни Беринг, ни Чириков, ни офицеры экспедиции не подозревали, что еще до того как они выехали из Петербурга, были предприняты шаги, чтобы сделать широко задуманное географическое мероприятие бесплодным. Задача эта возлагалась на Людвига Делиля, который должен был направить русские суда по ложному пути и помешать им достигнуть берегов Америки.

Восемь с половиной лет Делиль держался в тени. И вот в этот час, когда Беринг собрал совет, он должен был выступить на сцену и погубить все плоды их героического самопожертвования во имя славы России. В то время как офицеры спорили между собой, он развернул карту брата Жозефа Делиля. На ней была нанесена земля Хуана де Гама, и напомнил, что по указу Сената экспедиции в первую очередь надлежит идти к ней.

«На основании представленной карты,— писал Свен Ваксель,— мы единодушно решили исследовать эту землю».

Протокол подписали все участники совета. Для некоторых из них это был смертный приговор.

Людвиг Делиль выполнил свою задачу. Экспедиция отправлялась на поиски земли, которой в действительности не существовало.

¹ В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков, М., Географгиз, 1953.

² А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, Географгиз, М., 1950.

Заканчивались последние приготовления к дальнему плаванию. Грузили хлеб и воду, приводили в порядок паруса и такелаж. Суда были заново проконопачены и просмолены. Во второй половине мая все было готово к отплытию. На борт кораблей были погружены подарки для жителей островов и земель, которые могли быть открыты экспедицией. Всего в плавание на двух кораблях уходило 152 офицера и матроса. В конце мая суда подошли к устью Авачинской губы, где сделали остановку, поджидая попутного ветра.

4 июня 1741 г. корабли вышли в море. Их провожало несколько солдат, оставшихся охранять склады в Петропавловске... Они искренне желали своим соотечественникам удачи и счастья.

Экспедиция шла на юго-восток, к берегам вымышленной Земли Хуана де Гама. Суда трепали штормы, но Беринг настойчиво шел вперед, стараясь точно исполнить указ Сената. Часто наплывал туман. Чтобы не разлучиться, на кораблях били в колокол или стреляли из пушек. Прошла неделя плавания. Суда достигли 47° с. ш. где, судя по карте Делиля, должна была находиться Земля Хуана де Гамы, но никаких признаков суши не было. 12 июня путешественники пересекли следующую параллель, но результат был тот же. Для всех стало ясно, что их бессовестно обманули.

«Карта Делиля,— писал Свен Ваксель,— была неверной и лживой, ибо в противном случае мы должны были перескочить через Землю Хуана де Гамы... Было бы, однако, честнее сперва исследовать действительно неизвестные земли, прежде чем широко осведомлять плавающих об открытии мифической страны де Гамы; в противном случае, многие честные и храбрые люди, по необходимости бороздящие моря, бессовестно и возмутительно обманываются. А таким людям, которые берутся утверждать непроверенные вещи, основанные только на предположениях, я бы посоветовал лучше совсем молчать, а если им уже так хочется пофантазировать и порассуждать, то делать это про себя и не давать посторонним людям в руки плодов своей фантазии, тогда по крайней мере никто не был бы обманут их домыслами. Ведь громадная разница существует между составлением карты по донесениям, известиям, предположениям и отвлеченным домыслам и составлением карты на основании личного опыта, собственных наблюдений и

трудов. Быть может, я слишком подробно останавливаюсь на этом вопросе, но я никак не могу оставить его потому, что кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью».

Свен Ваксель ошибался только в одном. Карта Делиля была не плодом фантазии, а подлым средством шпионов, которые, выполняя волю своих хозяев, старались помешать русским морякам достичь северо-западных берегов Америки.

Сознание, что бесценные дни потрачены на погоню за призраком, угнетало Витуса Беринга. Моральные и физические силы изменяли ему. Он едва держался на ногах. Страшная цинга избрала его своей первой жертвой. Изнемогая от болезни, он приказал идти на северо-восток. Другого пути для него не было. Живым или мертвым, но он решил достичь северо-западных берегов Америки, еще не посещенных и не исследованных ни одним мореплавателем.

Едва суда прошли первые десятки миль к северу, как Витуса Беринга постиг новый удар. Океан вдруг окутал молочно-белый туман. Пакетбот «Святой Павел» исчез из виду, поглощенный непроницаемой мглой. Несколько часов было слышно, как там били в колокол, давая знать о своем местонахождении. Мелодичный далекий звон, будил в Беринге тревожные чувства. Тревога не была напрасной. Вскоре не стало слышно ударов колокола и глубокая тишина легла над океаном. Капитан приказал выстрелить из пушки. Но ответа не последовало. Лишь было слышно, как закипает вода под кораблем, трепещут паруса и скрипят снасти рангоута.

Когда наступило утро и туман рассеялся, вахтенный офицер доложил Берингу, что второго судна не видно. Капитан послал матроса на салинг, но и он ничего не заметил в океане. Весь день моряки дежурили в бочке, но море было по-прежнему пустынно. Сомнения не было. Суда разлучились. Беринг отдал приказ лечь на обратный курс.

Три драгоценных дня пакетбот «Святой Петр» бороздил море, как было условлено, в тех широтах, где разлучились суда, но так и не встретил отряда Алексея Чирикова.

Видя бесполезность поисков, экспедиция снова устремилась к северу.

День за днем «Святой Петр», подгоняемый штормовым ветром, летел по океанским просторам, круглые сутки офицеры и матросы несли вахту и внимательно следили за горизонтом, стараясь заметить землю или признаки ее близкого расположения. И вот впереди появилась черная точка, увеличивающаяся в своих размерах с каждой пройденной вперед милей. Все способные двигаться высыпали на палубу, чтобы взглянуть на клочок суши, которой они уже не видели несколько недель. Над крохотным островком кружились стаи птиц. Боясь наскочить на каменные рифы, моряки стали измерять глубину. Однако лот не достал дна... Когда судно подошло поближе, то оказалось, что это не клочок земли, а большой мертвый кит.

Снова были поставлены все паруса, и «Святой Петр» продолжал плавание на северо-восток к западным берегам Америки. Около четырех недель экспедиция шла океаном, встречая по пути лишь стада китов. Все это время шторм нещадно трепал одинокое судно. Бури следовали одна за другой. Ветер рвал паруса, наносил повреждения рангоуту, расшатывал крепления. В пазах кое-где появилась течь. Взятая с собою пресная вода была на исходе. Прошло более сорока дней, как суда вышли из Авачинской губы и с тех пор ни разу не пополняли ее запасы.

На пакетботе появились больные цингой. Некоторые матросы были в тяжелом состоянии и не оставляли своих кают. Беринг чувствовал себя прескверно. Каждое утро усилием воли он заставлял себя вставать с койки, подниматься на палубу и поддерживать в своих людях веру в счастливый исход путешествия.

В первой половине июля море изменилось, появились водоросли, изредка встречались ветви деревьев, листья которых напоминали листья дуба... В ясные дни к северу параллельно курсу были видны облака каких-то необыкновенных очертаний. Некоторым морякам казалось, что слева видна окутанная туманом земля. То была не игра больного воображения. Экспедиция действительно шла вдоль гряды Алеутских островов. Великий день в жизни Беринга приближался. Его заветная мечта вот-вот должна была осуществиться.

День 16 июля 1741 г. начался как обычно сменой вахт и определением координат судна. Утро было солнечное,

День за днем „Святой Петр“, подгоняемый штормовым ветром
летел по океанским просторам

прозрачное, и штурман без труда взял высоту солнца и определил, что экспедиция находится на 59°40' с. ш. Часовой стоял на носу корабля и тщательно смотрел вперед. Шел час за часом. Он видел впереди облако ослепительной белизны. Оно держалось неподвижно, в то время как другие медленно и величаво плыли на восток.

— Земля! — неожиданно закричал вахтенный матрос, показывая рукой на северо-запад.

— Земля! — подхватил дежурный офицер, и этот крик весело и радостно отозвался во всех палубах и каютах...

Беринг, которому доложили об открывшейся земле, выйдя наверх, увидел необыкновенной высоты гору, покрытую снегом. Ниже по ее склонам темнел лес. Северо-западные берега Америки, наконец, были достигнуты. Как долго мечтал Беринг об этом великом часе. И вот он настал. Он не принес капитану ликующей радости, хотя самолюбие его было удовлетворено. Теперь, когда главная цель всей жизни Беринга была осуществлена, он вдруг понял, что смертельно болен.

Открытие окрылило и офицеров и матросов экспедиции. Никто уже не сомневался в благополучном возвращении в Петропавловск. Моряки поздравляли друг друга и своего капитана. Все были счастливы. Беринг был сдержан, а по словам участника экспедиции Стеллера, даже печален и угрюм. Когда Стеллер спросил капитана о причине его грусти, то он ответил:

«Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть, нас назад не пустит пассатный ветер. Земля нам незнакомая и для зимовки нехватит провианта»¹.

Если Беринг и действительно так думал, то вряд ли бы сказал о своей тревоге в присутствии матросов и офицеров. Капитан знал, куда и зачем идет и где находится его корабль. Он не боялся незнакомой земли. В открытии ее Беринг видел оправдание больших затрат и жертв, которые были принесены во имя этой великой цели. Все обстояло проще и драматичнее. И Стеллер, находившийся с Берингом в натянутых отношениях, в этом случае, как и во многих других, далек от истины.

Сердце такого моряка, как Беринг, когда он увидел далекую и желанную землю, без всякого сомнения охва-

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.—Л., 1946, стр. 191—192.

тило чувство гордости за свою удачу. Счастье его было велико. Капитан знал, какой дорогой ценой за него было заплачено и, по-видимому, предстоит еще заплатить, но он несомненно верил, что и экспедиция завершится благополучно и поведает рано или поздно о своих выдающихся открытиях. Если бы он думал о спасении только своей жизни, то не занимался бы детальным исследованием новых земель, не разрешал бы офицерам высаживаться на открытые берега и изучать быт и обычаи индейцев. Капитан мог в любую минуту отдать приказ плыть обратно, нигде не задерживаясь, тем более, что задание было выполнено и неизвестные человечеству северо-западные берега Америки были открыты. Однако Беринг не сделал этого. Он стремился честно выполнить свой долг, хотя отлично знал, что его здоровье и здоровье многих офицеров и матросов подорвано плохой пищей, затхлой водой и начинавшей свирепствовать цингой. Ему было тяжело и грустно сознавать, что в торжественный час великого открытия у него едва достало сил, чтобы выйти на палубу и постоять там час-другой, любуясь ослепительно блестящей на солнце своими ледниками горой Св. Ильи.

И Берингу и его спутникам не терпелось поскорее высадиться на американский берег. Но дули сильные переменные ветры. На море была большая волна. Экспедиция, опасаясь каменных рифов, вынуждена была держаться в отдалении от открытой земли и следовать вдоль нее на запад. Только 20 июля волнение уменьшилось и моряки решили спустить шлюпку. На разведку отправился смелый и расторопный офицер Софрон Хитрово, вскоре возвратившийся с интересным известием. Он обнаружил на острове земляные юрты, шалаши, непотухшие костры, копченую рыбу. Все говорило о том, что здесь жили люди, но, опасаясь незваных пришельцев, прибывших из неведомых стран на крылатом корабле, спрятались в лесу. На острове нашлась пресная вода. Наполнив ею бочки, доставили их на корабль, взамен матросы оставили подарки индейцам: стеклянные бусы, железные ножи, тарелки, курительные трубки, свертки ситца и зеленого полотна.

21 июля экспедиция, назвав обследованное место мысом Ильи, двинулось дальше на запад, нанося на карту встречавшиеся по пути земли.

Плавание вдоль изрезанных берегов Америки с бесчисленными мелкими островами было опасно, особенно в

тумане ночью. Иногда в крошечной темноте вдруг выяснялось, что корабль находится на малых глубинах. И в какую только сторону не уклонялось судно, глубины не увеличивались. Приходилось на риск идти к югу, надеясь встретить там открытое море.

Конец июля и август «Святой Петр» шел в лабиринте островов, то в отдалении от них. Все больше болело офицеров и матросов. Беринг совсем обессилел и редко оставлял свою каюту. К концу приходили запасы пресной воды. Надо было думать о их пополнении.

29 августа экспедиция снова приблизилась к земле и стала на якорь между несколькими островами, которые были названы Шумагинскими по имени матроса Шумагина, только что скончавшегося от цинги.

Офицеры и матросы отправились на поиски воды и вскоре обнаружили источник. Весь день и ночь шлюпка совершала рейсы между островом и кораблем, перевоза бочки с водой. Как только стемнело, на одном из островов вспыхнул огонь, потом другой. На следующий день Софрон Хитрово с несколькими матросами отправился на небольшой шлюпке на поиски местных жителей. Моряки везли с собой разнообразные подарки. Но индейцы опять не пожелали встретиться с моряками. Только горячие угли костра говорили о том, что они совсем недавно здесь стояли лагерем.

Когда шлюпка плыла назад, ветер засвежел и развел большую волну. О возвращении на корабль против ветра не могло быть и речи. Пришлось поставить парус и, подойдя к ближайшему острову, выброситься на берег. Прибойная волна окатила путешественников с головы до ног и едва не смыла в море. Софрон Хитрово распорядился разжечь костер, чтобы обсушиться и дать знать экспедиции о своем бедственном положении.

Между тем ветер усиливался. «Святой Петр» стоял в открытом проливе. Канаты могли не выдержать, и тогда неизбежна потеря якорей. Беринг вместо того чтобы спасти Софрона Хитрово и его спутников, приказал выйти в море. Наплывший туман и наступившая темнота скрыли судно от глаз моряков, потерпевших крушение.

«Оставшихся на берегу людей,— вспоминал друг Софрона Хитрово Свен Ваксель,— охватило отчаяние, они были уверены, что для них не осталось никакой надежды на спасение. Переводчик чукча, видя их отчаяние и гром-

кие жалобы, пытался ободрить их и внушить им мужество. Он говорил, что на корабле остались честные, смелые люди, которые не бросят товарищей в беде, и если кораблю придется выйти в открытое море, а оставшимся пробыть некоторое время одним в ожидании помощи, то нет опасности умереть голодной смертью: на острове есть морская капуста, выброшенная морем в большом количестве; она вполне пригодна в пищу, ею можно питаться, и из моря можно добывать этой капусты, сколько понадобится.

Моим милым друзьям пришлось ограничиться этим утешением, так как ничего лучшего у них под руками не было, а затем они улеглись спать под открытым небом. Кто мог уснул немедленно, а кто не мог уснуть, те плакали втихомолку, пока не устали от слез и тоже в конце концов уснули»¹.

Утром следующего дня Беринг приказал спустить большую шлюпку и отправил ее на помощь команде Софрона Хитрово. Вскоре Софрон Хитрово и его спутники (им пришлось из-за прибойной волны вплавь добираться до шлюпки) стояли на палубе «Святого Петра» и рассказывали своим товарищам о пережитых приключениях.

Корабль выбрал якоря, оделся парусами и направился в море. Но вскоре вынужден был вернуться обратно под защиту Шумагинских островов. В океане бушевал шторм, продолжавшийся несколько дней. Во время этой стоянки и произошла первая встреча русских моряков с американскими индейцами.

Однажды утром вахтенные заметили на одном из островов дым костра. Ветер доносил крики людей. Вскоре в бухте появились две байдарки, сделанные из тюленьей кожи. В каждой из них находилось по одному индейцу. Байдарки подплыли к самому судну. Офицеры и моряки знаками приглашали индейцев подняться на корабль, но ни один не отважился на столь решительный шаг. С борта «Святого Петра» им бросили несколько безделушек.

Едва индейцы успели причалить к острову, как вслед за ними отправились на шлюпке наши моряки под командой старшего офицера Свена Вакселя. У берега был сильный прибой, и, чтобы не разбиться о камни, шлюпка оста-

¹ Свен Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, изд-во Главсевморпути, Л.—М., 1940.

нови́лась в некотором отдалении от острова. Свен Ваксель приглашал знаками толпившихся на берегу индейцев в гости к русским морякам и показывал различные подарки. Индейцы не оставались безучастными. Они показывали, что рады принять пришельцев, но к шлюпке не желали плыть на своих байдарках. Эта пантомима в конце концов наскучила нашим мореплавателям, и они отправили на берег вброд двух матросов и переводчика-чукчу. Едва они ступили на твердую землю, как один из местных жителей, по-видимому старейшина, нанес ответный визит русским морякам. Свен Ваксель угостил старейшину водкой. Тот опрокинул чарку в рот, но тут же выплюнул ее содержимое и с криком ужаса умчался обратно на своей байдарке. Между тем, два русских матроса и переводчик-чукча гуляли по острову в сопровождении его обитателей.

Вскоре стало смеркаться, и Свен Ваксель приказал своим людям возвращаться к шлюпке. Индейцы не препятствовали матросам, но чукчу насильно оставили у себя. Как ни требовал старший офицер освобождения своего переводчика, индейцы его не отпускали. Несколько индейцев бросилось в воду и ухватившись за причальный канат стали тянуть шлюпку к себе. Вакселю ничего не оставалось, как обрубить конец. С берега доносился крик чукчи, умолявшего не покидать его на произвол судьбы.

Русские моряки не оставляли своих товарищей в беде. Старший офицер приказал зарядить два мушкета. Едва прозвучали выстрелы, сделанные в воздух, как индейцы в страхе бросились на землю. Переводчик, воспользовавшись переполохом, кинулся в воду и благополучно добрался до шлюпки.

Это приключение моряков, едва не закончившееся драматически, дало возможность познакомиться с некоторыми чертами жизни и быта местных жителей. Побывав на острове, матросы убедились, что индейцы не употребляют ни лука, ни стрел, а инцидент с чукчей показал, что они не знакомы и с огнестрельным оружием. Верхние одежды жителей были сделаны или из кишок кита, или из оленьих шкур. Шапки, изготовленные из шкур сивучей, были украшены перьями. «Лица их,— писал Ваксель,— были раскрашены в красный, а у некоторых в синий цвет; выражение лиц у них было различное, как у европейцев, и не все имели плоские лица, как у калмыков. Ростом они были довольно высоки и хорошо сложены».

Видя, что люди, прибывшие в их страну на крылатом корабле, не причиняют им зла, местные жители на следующее утро приплыли на семи байдарках к «Святому Петру». Они привезли в подарок мореплавателям две меховые шапки, искусно выполненную из кости фигурку человека и длинную палку, украшенную перьями. Моряки в ответ одарили индейцев бусами, полотном, ситцем, трубками и другими изделиями и наверно уговорили бы их посетить корабль, если бы не засвежел ветер. Большая волна вынудила жителей вернуться на берег. Выбравшись на остров, они собрались все вместе и подняли громкий крик, по-видимому, выражая этим свои приятные чувства к мирным, неизвестным им людям.

Через несколько часов «Святой Петр» плыл под всеми парусами.

Стоял уже сентябрь, и путешественникам надо было спешить к берегам далекой Камчатки. Три недели плыли они не видя земли. Держались непрерывные туманы. Небо было затянуто тучами, сквозь которые многие сутки не пробивался солнечный луч и не виднелась ни одна звезда. Экспедиция не могла определиться и не знала, с какой скоростью продвигаются они к родному Петропавловску, где их ждали теплые сухие казармы и обильные запасы продовольствия.

Витус Беринг по-прежнему был тяжело болен. Недуг еще больше усилился от сырости и холода. Почти непрерывно лил дождь. Положение становилось все серьезнее. По расчетам капитана, экспедиция находилась еще далеко от Камчатки. Он понимал, что доберется до родной обетованной земли не раньше конца октября, если только противные западные ветры переменятся на попутные восточные. Тревожила его и судьба корабля «Святой Павел», находившегося под командой Алексея Чирикова. Где он сейчас находился и чего он достиг?

Только бы продержаться месяц-полтора, и он, Беринг, вернется с победной вестью. Берега Америки достигнуты. Открыты десятки островов. Изведана северная часть Тихого океана, где до тех пор не бывал ни один мореплаватель. Открытия, которые он обещал в своем проекте, сделаны. И теперь только одна задача стоит перед ним — без промедления и задержек возвращаться в Петропавловск. Он отдает приказ штурманам и офицерам внимательно следить за небом, чтобы, как только появится

солнце или звезды, успеть определить положение корабля. Но тщетно. Тучи по-прежнему закрывают небосклон.

«Мы,— писал Свен Ваксель,— должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые... Не знаю, существует ли на свете более безотрадное, или более тяжелое состояние, чем плавание в неописанных водах. Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания... мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна; я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий».

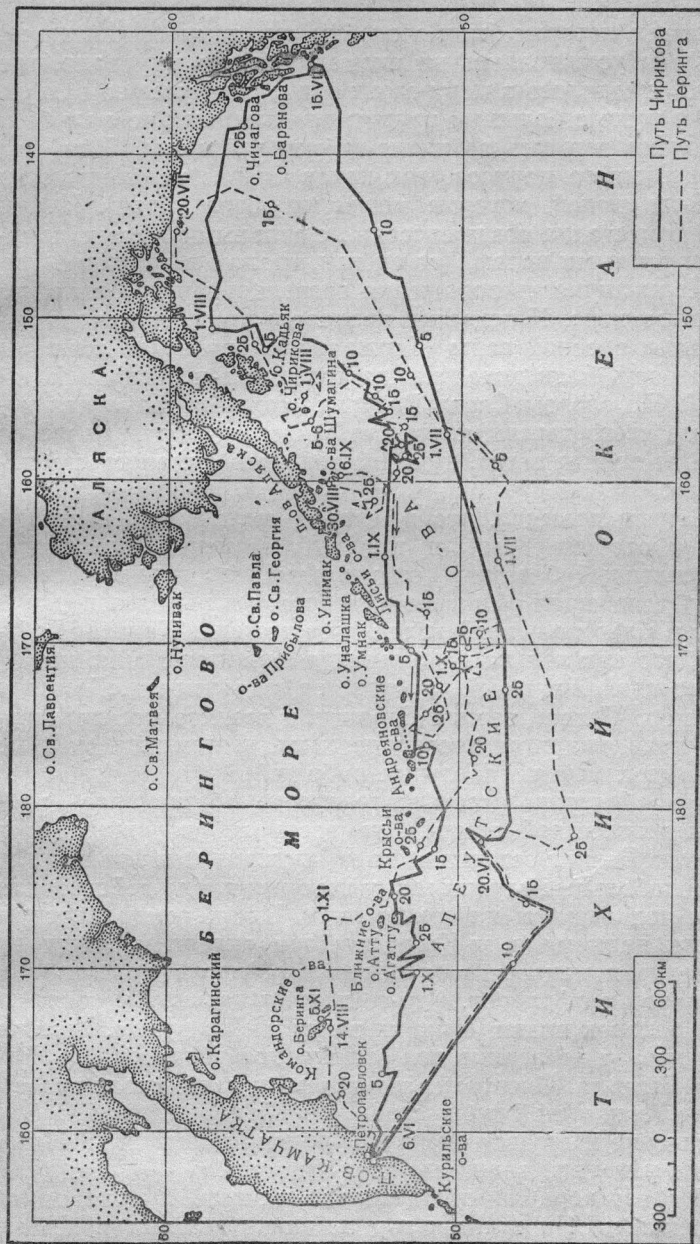
В таких условиях вели свои исследования русские труженики моря.

25 сентября Берингу доложили, что на горизонте видна земля. Он с трудом поднялся на палубу. Совсем рядом виднелся окруженный мелкими островами материк, в глубине которого возвышалась высокая гора, названная горой Св. Иоанна. Определить точное местоположение земли было невозможно. По счислению она находилась на $52^{\circ}30'$ с. ш.

Экспедиция не имела ни времени, ни возможности пристать к берегу и вынуждена была продолжать плавание. Положение Беринга и его спутников ухудшалось с каждым днем. В начале октября большая часть команды заболела цингой и не могла принимать участия в корабельных работах. У многих отнялись руки и ноги. Запасы провизии катастрофически таяли. Водка, которую давали больным как лекарство, кончилась несколько недель назад. Почти не было дня, в который бы не приходилось бросать в море покойников.

Перенеся жестокий многодневный шторм, в середине октября «Святой Петр» снова стал, несмотря на встречный западный ветер, продвигаться вперед, и вскоре экспедицией было открыто три острова: Св. Маркиана, Св. Стефана и Св. Авраама.

«В нашей команде,— писал Свен Ваксель,— оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из

Плавание А. Чирикова и В. Беринга к северо-западной Америке
(по В. А. Дитсуну)

числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту... Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень... с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем».

Драматичность положения экспедиции усугублялась с каждым днем. К нехватке продовольствия добавился недостаток пресной воды. Державшиеся на ногах офицеры и матросы были доведены до крайности непосильной работой. По словам Свена Вакселя, «корабль плыл как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать».

Беринг понимал, что в судьбе экспедиции наступил самый ответственный и тяжелый момент. Совершенно обессиленный болезнью, он усилием воли поднимался на палубу, навещал офицеров и матросов и пытался поднять веру в благополучный исход путешествия. Капитан обещал, что как только на горизонте появится земля, непременно причалит к ней и останется на зимовку. Команда «Святого Петра» верила Берингу, и все, кто мог передвигать ноги, напрягая последние силы, исправляли срочные и необходимые корабельные работы.

4 ноября рано утром на горизонте обозначились контуры неизвестной земли. Эта весть взбудоражила весь экипаж. Беринг оставил свою койку и поднялся на палубу. Тяжелобольные служители, у которых плохо действовали ноги, поднимались наверх ползком. В этой земле, которую многие принимали за Камчатку, они видели надежду на спасение и исцеление от болезней. Радость охватила и матросов и офицеров. Кто-то поднял на палубу спрятанный бочонок водки, и чарки загуляли по рукам. Веселье впервые за последние два месяца посетило корабль Витуса Беринга. Очертания земли чем-то напоминали окрестности Авачинской губы с родным Петропавловском. Это сообщение было встречено дружным ликованием. Некоторые узнавали знакомые мысы и горы.

Но вот корабль приблизился к земле. Очертания ее изменились. На откосах гор не видно зеленых деревьев.

Земля совершенно безлесна. Нет, это не Авачинская губа, а, по-видимому, северная часть Камчатки. Так думают офицеры и матросы, так думает Беринг, хотя сомнение уже закралось в его душу. Утром 5 ноября он собирает совет офицеров. Мнения разделяются. Дело доходит до личных оскорблений и употребления крепких слов. Капитан приказывает готовиться к высадке на безлесную землю. Он намерен выполнить свои обещания. Кроме того, Берингу известно, что минувшей ночью лопнули главные снасти и разорвало паруса правого борта. Заниматься их ремонтом некому, так как вся команда едва держится на ногах.

Поздно вечером, благополучно пройдя между каменными рифами, судно остановилось в небольшой плохо защищенной от ветров и волнения бухте.

6 ноября Беринг отправил на берег лейтенанта Вакселя и натуралиста Стеллера. Высадившись на землю, они обнаружили лишь заросли карликовой ивы, стлавшейся по земле. Нигде не росло ни одного деревца. Лишь на берегу лежали бревна, выброшенные морем и засыпанные снегом.

Поблизости текла небольшая речка. Наконец, можно было насытиться вдоволь хотя бы водой. В окрестностях бухты Ваксель и Стеллер обнаружили несколько глубоких ям, которые, покрыв парусами, можно было приспособить под жилье для больных матросов и офицеров.

Через день началась высадка. Это было тяжелое зрелище. Некоторые больные умирали, едва их выносили на палубу, другие — в шлюпке по пути к земле.

9 ноября Беринга перенесли на носилках в подготовленную для него на берегу землянку. Постепенно вся команда перебралась на землю. 28 ноября сильной бурей корабль сорвало с якорей и выбросило на берег. Моряки в первое время не придали этому серьезного значения, так как верили, что высадились на Камчатку и что им в скором времени удастся установить связь с жителями и на собаках совершить путешествие в Петропавловск.

Через несколько дней после этого события Беринг отправил две партии моряков, дав им задание обследовать окрестности. В первый же день дорогу путешественникам перерезали горы, пересечь которые у них не было сил. В пути они не видели ни тропинок, ни признаков челове-

ческого жилья. Встречались лишь песцы да морские бобры, которые совершенно равнодушно отнеслись к появлению людей. Похоже было, что они не знакомы с человеком и нисколько не боятся его.

Прошло еще несколько дней, и капитан направил на разведку новую группу служителей. Ей удалось подняться на вершину горы. С высоты они увидели, что вокруг них расстилается безбрежное море. То была не Камчатка, а затерянный в океане необитаемый остров.

«Это известие,— писал Свен Ваксель,— подействовало на наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель. В самом деле, мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств... без жилья, выброшенными... под открытое небо».

В эти страшные дни недуг все сильнее мучил Беринга. Он чувствовал, что дни его сочтены, но продолжал заботиться о своих людях, о том, чтобы были спасены запасы с выброшенного на мель корабля.

Капитан лежал один в землянке, прикрытой сверху брезентом. Он уже не ощущал голода, ему не хотелось есть ни ржаные лепешки, ни обжаренное мясо морских бобров. Сильнее всего Беринг страдал от холода. Силы оставляли его. Он не мог уже пошевелить ни рукой, ни ногой. Сползавший со стен землянки песок засыпал ноги и нижнюю часть тела. Когда офицеры предложили откопать его, Беринг воспротивился, заявив, что так теплее. Несмотря на все несчастья, выпавшие на долю экспедиции, он не утратил бодрости духа и находил задушевные слова, чтобы ободрить своих приунывших товарищей.

Беринг умер 8 декабря 1741 г., не подозревая о том, что последнее пристанище экспедиции находится в нескольких сутках хорошего хода судна от созданного им Петропавловска.

После смерти Беринга командование отрядом перешло к лейтенанту Вакселю, старшему по чину офицеру. Экспедиция к этому времени лишилась более двадцати пяти человек.

Однако для оставшихся в живых провизии было очень мало. Сначала каждому матросу и офицеру выдавалось

ежемесячно тридцать фунтов муки, затем эта порция была уменьшена вдвое и в конце концов путешественникам пришлось довольствоваться одной подмоченной крупой.

Отдельные служители потеряли веру в благополучный исход экспедиции, но все независимо от чина и звания одинаково дружно, поистине героически боролись за свою жизнь и жизнь больных товарищей.

Люди так обессилели, что не могли вынести трупов из своих землянок. Только несколько человек способны были ходить, охотиться на морских бобров и приносить мясо своим товарищам.

Свежая пища, несмотря на скверное жилье, в котором ютились путешественники, способствовала выздоровлению многих участников экспедиции.

И офицеры и матросы начали постепенно оживать. 8 января был последний смертный случай. Всего из экипажа «Святого Петра» умер 31 человек; 45 служителей остались живы, отвоевав себе жизнь в отчаянной схватке с природой.

Больше всего неприятностей доставляли штормовые ветры и ураганы, срывавшие брезентовые крыши с землянок и засыпавшие снегом находящихся в ней моряков, дрожавших под тонкими одеялами или шинелями. Едва успевали привести жилище в порядок, как снова поднималась метель и многие оказывались под открытым небом и нестерпимо страдали от холода. Дров поблизости не было.

Как ни длинна была зима с ее метелями, холодами и многими лишениями, но наступила весна.

Сошел снег, побежали ручьи, стало чаще выглядывать солнце, и моряки, несколько восстановившие свои силы, стали думать о продолжении плавания.

В марте 1742 г. Свен Ваксель собрал всех оставшихся в живых участников экспедиции на совет. Было решено строить новое судно из остатков «Святого Петра», находившегося на мели и сильно потрепанного океаном. Однако возникла непредвиденная трудность. Среди моряков не оказалось ни одного корабельного мастера. К счастью, нашелся сибирский казак из Красноярска Савва Стародубцев, который простым рабочим участвовал в постройке судов экспедиции в Охотске. На его знания и умение только и была надежда.

6 мая 1742 г. заложили новое судно. Это событие было отмечено торжественным обедом у Свена Вакселя, на который каждый пришел со своей посудой. Савва Стародубцев оказался искусным корабельным плотником. Работа под его руководством шла успешно. Через два месяца судно было спущено на воду.

13 августа отряд Свена Вакселя простился с островом, который единодушно называли именем Витуса Беринга. На его берегу осталась могила отважного капитан-командора и его смелых мужественных спутников. Там же были брошены за ненадобностью пушки с первого корабля и другие, уже ненужные предметы.

На третий день плавания, когда моряки находились далеко от острова Беринга, в судне открылась течь. Воду вычерпывали насосами и вручную, но она продолжала прибывать. Матросы бросились искать причину этой грозной опасности и вскоре обнаружили, что в одном пазу волной выбило конопатку. Паз заделали, как могли. Вода пошла на убыль, и отряд продолжал плавание.

17 августа, как только рассеялся утренний туман, прямо по курсу открылась земля. Это была Камчатка. Моряки направились вдоль ее берегов к югу, и через десять дней «Святой Петр» отдал якорь в Петропавловской гавани.

При виде низеньких, так хорошо знакомых и таких уютных домиков и строений родного петропавловского порта всех охватила радость. Это был самый счастливый день в жизни 45 оставшихся в живых спутников Беринга.

После 15 месяцев скитаний в неизведанном океане, после зимовки почти под открытым небом на необитаемом острове, после многих месяцев голода, страданий и непосильного труда они, наконец, ступили на родную обетованную землю, где их ждали друзья, товарищи, теплый угол и обильные запасы пищи.

Всеобщую радость омрачало лишь отсутствие в гавани судна «Святой Павел», с которым отряд Беринга разлучился в июне 1741 г. Но вскоре выяснилось, что тревога была напрасной. Алексей Чириков отбыл в Охотск, оставив четырех служителей для охраны складов. От них моряки «Святого Петра» слышали рассказ о замечательных делах этого отряда Второй Камчатской экспедиции.

...Как только рассеялся туман, прямо по курсу открылась земля

После трехдневных поисков судна Беринга Алексей Чириков направился на «Святом Павле» на северо-восток. Утром 15 июля перед мореплавателями открылись неисследованные ни одним путешественником берега. Это была Северная Америка.

Чириков подошел к ней в районе 56° с. ш. и 133° з. д. Таким образом, произошел один из удивительных случаев в истории географических открытий. Два корабля раздельно совершавших плавание в течение месяца подошли почти в один и тот же день к неведомым берегам четвертого континента, тем самым начав исследование земель, получивших впоследствии название Русской Америки (Аляски).

Радость великого открытия, однако, вскоре была омрачена трагическими событиями. Чириков спустил шлюпку и отправил на ней под командой одного из лучших офицеров Абрама Дементьева 10 матросов, поручив им подыскать стоянку для корабля и ознакомиться с ближайшими окрестностями. Дементьеву даны были на разведку одни сутки, но прошел день, другой, третий, а команда, направленная на берег, не возвращалась. Впрочем, на берегу каждую ночь горели огни. Быть может, шлюпка при подходе к берегу разбилась о камни, и Дементьев со своими людьми не мог вернуться на корабль. Решено было отправить ялик с шестью служителями, вооруженными ружьями.

Они должны были разыскать шлюпку и оказать ее команде необходимую помощь. На следующее утро из-за мыса появились два небольших суденышка. Вахтенные приняли их за шлюпку и ялик. Весть о возвращении товарищей обрадовала весь экипаж. Чириков приказал готовить к отплытию корабль... Однако радость была преждевременна. В суденышках находились индейцы. Теперь всем было ясно, что их 17 товарищей попали в западню и были или перебиты, или захвачены в плен жителями этих девственных мест. Так Алексей Чириков лишился почти четверти своего экипажа, обоих гребных судов и потерял неделю драгоценного времени. Эта потеря времени впоследствии стоила новых жертв.

Чириков подошел со своим судном к тому месту, где приставали его шлюпки, но никого не увидел и не услышал... Моряки бесследно исчезли. Послать экипаж на вы-

ручку товарищей он не мог, так как не осталось ни одного веселного суденышка.

Плавание Алексея Чирикова изобиловало не меньшими трудностями, чем плавание Витуса Беринга. Экипаж «Святого Павла» не мог ни разу во время плавания пополнить запасы пресной воды. Только благодаря изумительной изобретательности и находчивости командира, моряки не погибли от жажды. На корабле вскоре распространилась цинга, и одной из первых жертв ее сделался командир.

Отряд Чирикова возвращался обратно примерно тем же курсом, что и Беринг, только временами уклоняясь то к северу, то к югу, но не уходя далеко сначала от американского побережья, а затем от гряды Алеутских островов.

9 сентября на острове Адах путешественники заметили местных жителей. Вскоре семь байдарок подошло к борту корабля. Алеуты одарили табаком, бусами, курительными трубками и объяснили, что нуждаются в пресной воде. Алеуты доставили к пакетботу два больших пузыря, наполненных речной водой. Чириков выменял у алеутов различные предметы быта и одежды. После небольшой стоянки судно продолжало путь к западу. 22 сентября оно находилось у предпоследнего острова Алеутской гряды. Чириков в это время уже был болен и редко поднимался на палубу. Цинга поразила почти весь экипаж. Из офицеров держался на ногах лишь штурман Иван Елагин. Он и привел корабль «Святой Павел» в Петропавловск на Камчатке 12 октября 1741 г. В этот день судно «Святой Петр» под командой Беринга еще плавало в районе Алеутских островов.

В начале лета 1742 г. Алексей Чириков, оправившись от болезни, отправился в новое плавание к берегам Америки. Он открыл остров Св. Федора, побывал вблизи острова Атту, самого западного острова Алеутской гряды. Штормовая погода и слабое здоровье команды вынудили Алексея Ильича повернуть в Петропавловск. На обратном пути он прошел мимо острова Беринга, нисколько не подозревая, что там нашли пристанище его товарищи с корабля «Святой Петр» и находится могила капитан-командора.

1 июля 1742 г. Чириков вошел в Авачинскую бухту, а спустя полмесяца моряки были уже в Охотске.

С прибытием Свена Вакселя в Петропавловск, а Алексея Чирикова в Охотск завершились работы Второй Камчатской экспедиции. Чтобы отчетливее ощутить вклад, который внесли русские моряки в географическую науку, надо взглянуть на географическую карту первой четверти восемнадцатого века. Она еще далека до совершенства. На ней нет одного материка и тысячи островов; берег Северной Америки, обращенный к Тихому океану, внезапно обрывается за Калифорнией. Как далеко простирается он к северо-западу и соединяется ли с Азией, никому не известно. Правда, с тех пор как русский посол в Риме Дмитрий Герасимов заявил, что можно пройти северным морским путем в Китай, картографы рисуют на картах пролив Аниан, но он лежит где-то недалеко за Обью. Нет на этой карте ни побережья Северной Азии, ни островов Ледовитого океана, кроме Шпицбергена и Новой Земли...

И вот в 1728—1743 гг. происходит нечто невероятное. За 15 лет моряками русского флота выполняются такие грандиозные работы, которые раньше осуществлялись столетиями. Совершает их не одиночка. Это целая армия подвижников, состоящая из ученых и матросов, геодезистов и солдат, натуралистов и морских офицеров, историков и казаков, переводчиков и жителей сибирских сел... Прежде всего они устремляются к берегам Ледовитого океана, чтобы нанести на карту северное побережье России и изведать морскую дорогу из Европы на Камчатку.

Петр I, намечая подобную экспедицию, надеялся, что русские моряки, будут счастливее своих иностранных предшественников, безуспешно пытавшихся пройти северо-восточным проходом и не проникавших на восток дальше западных берегов полуострова Ямал. Они действительно были счастливее. Но счастье это было куплено ценою больших жертв. Русские моряки встретили на севере грозного врага — цингу. Она не щадила ни офицеров, ни матросов, ни ученых, ни казаков. Чем упорнее сопротивлялась природа, тем настойчивее наступала армия «мучеников науки и долга». Трудами Степана Малыгина, Дмитрия Стерлегова, Федора Минина, Василия Прончищева, Харитона и Дмитрия Лаптевых, Семена Челюскина, Петра Ласиниуса и многих других офицеров и матросов было описано побережье Евразии от Архангель-

ска до Большого Баранова Камня, расположенного восточнее реки Колымы.

Северные отряды Второй Камчатской экспедиции подчинялись Витусу Берингу. И хотя они действовали самостоятельно и независимо от капитан-командора, нельзя не отметить того обстоятельства, хотел этого Беринг или не хотел, но его проект Второй Камчатской экспедиции был одной из причин их создания...

Совершенное Берингом и его спутниками по своей ценности не менее значительно, чем вклад в географическую науку северных отрядов, которые в географической литературе часто называются Великой Северной экспедицией.

Мореплавателями были открыты и на протяжении сотен миль нанесены на карту (от островов Баранова и Чичагова до полуострова Аляска) западные берега Северной Америки, не посещенные и не исследованные ни одним путешественником. Открыты наиболее крупные острова Алеутской гряды, открыты Командорские острова и несколько других островов в северной части Тихого океана, нанесено на карту восточное побережье Чукотского полуострова и еще раз подтверждено существование пролива между Азией и Америкой. Карта западных берегов Северной Америки к северу от Калифорнии на значительных участках приобрела реальные очертания. Одна из великих географических задач XVIII в. была решена.

Между тем прошли десятки лет, прежде чем были обнародованы результаты трудов Второй Камчатской экспедиции. И чем больше они становились известными, тем усерднее следующие поколения путешественников стремились воздать должное заслугам Витуса Беринга. Его именем, кроме острова, было названо море в северной части Тихого океана. Английский путешественник Кук назвал пролив, отделяющий Азию от Америки, проливом Беринга, совершив невольно несправедливость, подобную той, которую сделали географы и ученые XVI в., приписав Америго Веспуччи открытие Америки, которое совершил Колумб. Пролив из Тихого в Ледовитый океан открыл казак Семен Дежнев за 80 лет до Беринга. И самое удивительное, что Беринг положил начало восстановлению исторической справедливости. Именно учеными, бывшими в его экспедиции, были найдены подлинные документы об историческом плавании Семена Дежнева.

Заслуги Витуса Беринга перед географической наукой огромны. Они плод героических, беспримерных усилий русских моряков. Географические открытия Беринга, Алексея Чирикова и их мужественных сподвижников — это замечательная славная и первая страница в летописи открытия и изучения Русской Америки, исследование которой было блестяще продолжено следующими поколениями русских путешественников и мореплавателей.

Василий Михайлович Пасецкий

ВИТУС БЕРИНГ

Редактор *С. Я. Проходцева*

Художник *Л. Гритчин*

Художественный редактор *Е. А. Радкевич*

Технический редактор *С. М. Кошелева*

Корректор *Т. М. Денисова*

№ Т-01703. Сдано в производство 25/XII 1957 г.

Подписано в печать 27/III—1958 г. Формат 84×108/32.

Физических листов 1,5. Печатных листов 2,46.

Издательских листов 2,38.

Тираж 30 000. Цена 75 коп. Заказ 1384.

Москва В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Московского городского Совнархоза

Москва Ж-54, Валовая, 28.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия

«Замечательные географы и путешественники»

Вышли в свет:

- А. Варшавский. Лаперуз, 1957, цена 90 коп.
Е. И. Вязов. Васко да Гама, 1956, цена 60 коп.
Ю. Давыдов. Джон Франклин, 1956, цена 75 коп.
И. Забелин. Чокан Валиханов, 1957, цена 80 коп.
Г. В. Карпов. Адольф Эрик Норденшельд, 1955, цена 65 коп.
Г. В. Карпов. Роберт Пири, 1956, цена 50 коп.
Г. В. Карпов. Чарльз Дарвин, 1957, цена 70 коп.
Н. И. Леонов. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, 1957, цена 75 коп.
И. П. Магидович. Христофор Колумб, 1956, цена 55 коп.
В. М. Пасецкий. Джордж де-Лонг, 1957, цена 70 коп.
Я. М. Свет. Фернандо Магеллан, 1956, цена 60 коп.
А. Ф. Трешников и В. М. Пасецкий. Соломон Андрэ, 1957,
цена 70 коп.

